

Висенте Бласко-Ибаньес

ЧИНОВНИК

Висенте Бласко-Ибаньес

ЧИНОВНИК

«Public Domain»

1911

Бласко-Ибаньес В.

Чиновник / В. Бласко-Ибаньес — «Public Domain», 1911

«Растянувшись на спинѣ на жесткой постели и оглядывая блуждающимъ взоромъ трещины на потолкѣ, журналистъ Хуанъ Яньесъ единственный обитатель камеры для политическихъ, думалъ о томъ, что съ сегодняшняго вечера пошелъ третій мѣсяць его заключенія...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Висенте Бласко-Ибаньес

ЧИНОВНИКЪ

Растянувшись на спинѣ на жесткой постели и оглядывая блуждающимъ взоромъ трещины на потолкѣ, журналистъ Хуанъ Яньесъ единственный обитатель камеры для политическихъ, думалъ о томъ, что съ сегодняшняго вечера пошелъ третій мѣсяць его заключенія.

Девять часовъ... Рожокъ на дворѣ сыгралъ протяжныя ноты вечерняго сигнала. Въ коридорахъ слышались монотонно-ровные шаги караульныхъ, и изъ запертыхъ камеръ, наполненныхъ человѣческимъ мясомъ, поднялся мѣрный гулъ, напоминавшій пыхтѣніе далекой кузницы или дыханіе спящаго великана. Трудно было повѣрить, что въ этомъ старомъ, столь тихомъ, монастырѣ, ветхость котораго особенно ясно выступала при разсѣянномъ свѣтѣ газа, спало тысяча человѣкъ.

Бѣдный Яньесъ, вынужденный лечь въ девять часовъ съ постояннымъ свѣтомъ передъ глазами и лежать среди подавляющей тишины, заставлявшей вѣрить въ возможность существованія міра смерти, думалъ о томъ, какъ жестоко ему приходилось расплачиваться за нарушеніе закона. Проклятая статья! Каждая строчка должна была стоить ему недѣли заключенія, каждое слово – дня.

Вспоминая, что сегодня вечеромъ открывается оперный сезонъ Лоэнгриномъ, его любимой оперой, Яньесъ видѣлъ въ воображеніи ряды ложъ и въ нихъ обнаженные плечи и роскошныя шеи, сверкающія драгоценными камнями среди блестящаго шелка и воздушныхъ волнъ завитыхъ перьевъ.

Девять часовъ... Теперь появился лебедь, и сынъ Парсифаля поетъ свои первыя ноты среди возбужденнаго ожиданія публики... А я здѣсь! Впрочемъ, и здѣсь – недурная опера.

Да, она была не дурна! Изъ нижней камеры долетали, точно изъподземелья, звуки, которыми заявляло о своемъ существованіи одно горное животное; его должны были казнить съ минуты на минуту за безчисленное множество убійствъ. Это былъ лязгъ цѣпей, напоминавшій звяканье кучи гвоздей и старыхъ ключей, и время отъ времени слабый голосъ, повторявшій: «От... че нашъ, еже е... си на не... бе... сѣхъ. Пресвя... тая Бого... ро... ди... ца...» робкимъ и умоляющимъ тономъ ребенка, засыпающаго на рукахъ у матери. Онъ постоянно тянулъ однообразный напѣвъ, и невозможно было заставить его замолчать. По мнѣнію большинства, онъ хотѣлъ притвориться сумасшедшимъ, чтобы спасти свою шею; но можетъ быть четырнадцатимѣсячное одиночное заключеніе въ постоянномъ ожиданіи смерти дѣйствительно помрачило скудный умъ этого животнаго, жичшаго однимъ инстинктомъ.

Яньесъ проклиналъ несправедливость людей, которые заставляли его за нѣсколько страницекъ, нацарапанныхъ въ минуту дурнаго настроенія, спать каждую ночь подъ убаюкивающей бредъ человѣка, присужденнаго къ смертной казни, какъ вдругъ слышались громкіе голоса и поспѣшные шаги въ томъ же этажѣ, гдѣ помѣщалась его камера.

– Нѣтъ, я не стану спать здѣсь, – кричалъ чей-то дрожащій, визгливый голосъ. – Развѣ я какой-нибудь преступникъ? Я такой же чиновникъ правосудія, какъ вы... и служу уже тридцать лѣтъ. Спросите-ка про Никомедеса. Весь міръ меня знаетъ. Даже въ газетахъ писали про меня. И послѣ того, что меня поместили въ тюрьмѣ, еще хотятъ, чтобы я спалъ на какомъ то чердакѣ, который непригоденъ даже для заключенныхъ.

Покорно благодарю! Развѣ для этого мнѣ велѣли пріѣхать? Я боленъ и не стану спать здѣсь. Пусть приведутъ мнѣ доктора, мнѣ нуженъ докторъ...

Несмотря на свое положеніе, журналистъ засмѣялся надъ бабимъ смѣшнымъ голосомъ, которымъ этотъ человѣкъ, прослужившій тридцать лѣтъ, требовалъ доктора.

Скова послышался гуль голосовъ, обсуждавшихъ что-то, точно на совѣщаніи. Затѣмъ послышались приближавшіеся шаги. Дверь камеры для политическихъ открылась, и въ камеру заглянула фуражка съ золотымъ галуномъ.

– Донъ-Хуанъ, – сказалъ смотритель нѣсколько сухимъ тономъ: – вы проведете сегодняшнюю ночь въ компаніи. Извините пожалуйста, это не моя вина. Приходится такъ устроить... Но на утро начальникъ тюрьмы распорядится иначе. Пожалуйста, сеньоръ.

И сеньоръ (это слово было произнесено ироническимъ тономъ) вошелъ въ камеру въ сопровожденіи двухъ арестантовъ – одного съ чемоданомъ и узломъ съ одѣяломъ и палками, другого съ мѣшкомъ, подъ холстомъ котораго вырисовывались края широкаго и невысокаго ящика.

– Добрый вечеръ, кабальеро!

Онъ поздоровался робко, тѣмъ дрожащимъ тономъ, который заставилъ Яньеса засмѣяться, и снявъ шляпу, обнажилъ маленькую, сѣдую и тщательно остриженную голову. Это былъ полный красный мужчина лѣтъ пятидесяти. Пальто, казалось, спадало съ его плечъ, и связка брелоковъ на толстой золотой цѣпочкѣ побрякивала на его животѣ при малѣйшемъ движеніи. Его малеінькіе глазки отливали синеватымъ блескомъ стали, а ротъ казался сдавленнымъ изогнутыми и опущенными усиками, похожими на опрокинутые вопросительные знаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.